

Побыв с Бай Цыцяо за трапезой, Хуанфу Цзюнь принес миску с отваром. От лекарства с первого же вдоха исходило горькое амбре, и Бай Цыцяо жалостливым взглядом уставился на Хуанфу Цзюнь, явно не желая пить эту бурду.

Заметив его вид, Хуанфу Цзюнь поджал губы и на мгновение задумался. Затем он отпил глоток прямо на глазах у Бай Цыцяо и приник к его тонким губам.

Лекарство действительно оказалось горьким — рот Хуанфу Цзюня мгновенно заполнился вяжущим вкусом, однако ради того, чтобы Бай Цыцяо выпил отвар, он не стал жаловаться.

Целебная жидкость перетекла изо рта Хуанфу Цзюня в рот Бай Цыцяо, и с уголка их соприкасающихся губ сорвалась тонкая капелька буроватой влаги. Словно проворная змейка, язычок скользнул по рту Цыцяо, и даже эта горькая микстура приобрела легкий оттенок страсти.

Бай Цыцяо оттолкнул Хуанфу Цзюня:

— Я... сегодня не могу...

Хуанфу Цзюнь взял стоявшую рядом пиалу и протянул ему:

— Выпьешь сам или... хочешь, чтобы я покормил тебя? — в конце его фразы послышался легкий игривый напев, выдававший прекрасное расположение духа.

Бай Цыцяо послушно принял миску, хотя на его щеках проступил подозрительный румянец.

Увидев, что Бай Цыцяо послушно выпил лекарство, Хуанфу Цзюнь потрепал его по голове:

— Жаль, что сейчас мы не можем вернуться и сыграть свадьбу...

— Ваше Высочество... Фениксоподобные глаза вздрагивали под прикрытием ресниц, и он лишь надеялся, что Хуанфу Цзюнь сказал это не просто так, к слову...

— Умница, отдохни пока. Я выйду ненадолго.

Вспомнив слова, которые Гун Тяньхэн чуть было не выпалил сегодня на аукционе, он понял, что ему необходимо дать Гун Тяньхэну уразуметь, что следует говорить, а о чём лучше умолчать.

Покинув небольшое здание, он пошел по коридору и спустя мгновение вышел к просторному двору. Посреди двора росло огромное вишневое дерево, сплошь усыпанное маленькими бутонами. Нетрудно было представить, как прекрасно оно будет выглядеть, когда цветы распустятся. Окружавший вишневое дерево двор был не слишком велик, а двухэтажный круглый домик сбоку выходил фасадом на эту живописную картину. Наверху располагалось множество комнат, и комната Гун Тяньхэна на сегодняшнюю ночь была одной из них.

Хуанфу Цзюнь постучал в дверь, но, не дождавшись ответа, просто толкнул ее и вошел.

Прекрасный юноша, наполовину человек, наполовину лис, был одет лишь в тонкие марлевые одежды, сквозь которые смутно угадывались соблазнительные очертания тела, но рассмотреть их детально было нельзя — весь его облик таил в себе некую манящую дымку.

Наконец заметив, что кто-то вошел, он лишь фривольно перевернулся на другой бок, обнажив пушистый белый хвост, который как раз прикрыл самые интимные места. Хуанфу Цзюнь, заметив состояние Гун Тяньхэна, даже не подумал подходить к нему и устроился на деревянном стуле у небольшого столика.

Мне нужно с тобой поговорить. О чём же Высочество желает со мной поговорить?

Гун Тяньхэн, разумеется, прекрасно видел, как тот относится к Бай Цзыцяо, и понимал, что Хуанфу Цзюнь воспылал к нему искренними чувствами, но соперничать с ним у него в мыслях не было. В конце концов, нынешний он уже не тот, что три года назад... Его сердце давно превратилось в ледяную глыбу, и вряд ли он когда-нибудь сможет полюбить снова. После долгого молчания заговорил первым всё же Гун Тяньхэн:

— Я полагал, что такой холодный и безжалостный человек, как Вы, Высочество, никогда в жизни не познает человеческой любви. Но кто бы мог подумать, что всего за три года у Вас появится возлюбленный.

— Не за три года, а за пятнадцать, — поправил Гун Тяньхэн Хуанфу Цзюнь.

Юноша с любопытством приподнял брови, ожидая продолжения, но на этом фраза оборвалась.

— Есть вещи, о которых он не должен знать.

Услышав, что Хуанфу Цзюнь сменил тему, юноша разочарованно поджал губы, а затем моргнул своими красивыми, чарующими лисьими глазами:

— Например, то, что ты — ёкай? — Сделав паузу, он добавил: — Или то, что ты скоро умрёшь?

— И то, и другое. Я хочу, чтобы ты хранил эти два секрета в строжайшем тайне, по крайней мере, до моей смерти. — Произнося слова о смерти, Хуанфу Цзюнь нарочито выделил их голосом. Умрёт он или нет — ещё бабушка надвое сказала. Стоит отыскать лекарство, и он выживет, останется жить вместе с Цзыцяо...

— Без проблем, — легко согласился юноша. Для него эти две вещи не представляли собой ничего особенного.

Хуанфу Цзюнь от природы был немногословен, поэтому, сказав всё необходимое, он собрался возвращаться.

В сапфирово-голубых глазах Гун Тяньхэна отразилась его удаляющаяся фигура. Белые ресницы скрывали глубокие раздумья в его взгляде: всего лишь поменяв несколько часов общения сегодня днем, он уже почти наверняка определил, к какому виду принадлежит Хуанфу Цзюнь. А этот вид никогда не допустит, чтобы их потомство скиталось где-то на стороне... Его Высочество слишком просто смотрит на вещи, и «любовь бабочки» проявилась на нем вовсе не случайно... Но ему суждено не собрать все необходимые ингредиенты для противостояния от «любви бабочки»... Иными словами, он, Хуанфу Цзюнь, непременно исчезнет из этого мира... чтобы после переродиться истинным ёкаем! — Разве Высочество не понимает, что Вы непременно умрёте?

Чай в пиале уже остыл, а Гун Тяньхэн, бросив вслед эти слова, привел себя в порядок и направился в комнату Мо Цина за медицинской помощью...

<http://bllate.org/book/21730/2245840>